

ЛЕВ НОВОЖЕНОВ:

ЕСТЬ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЖАЛЕЮТ,
ЧТО Я ПЛАВАЮ, ПЛАВАЮ – И НЕ ТОНУ

Лев Юрьевич редко дает интервью, не только из-за своей занятости. Наверное, еще и потому, что его мысли и слова могут разойтись с привычным образом такого спокойного кота Леопольда, который предлагает мышам жить дружно. А реально он скорее похож на того же кота в гневе. По крайней мере, таким показался мне, когда мы начали эту беседу...

Этой женщине разрешается все. Потому что – жена!

– Исполнилось десять программе «Времечко», у истоков которой вы стояли. Как все тогда начиналось и что особо запало в память?

– Первый эфир «Времечка» был 14 июня 1993 года. За две недели до этого мы сидели в кабинете у Малкина – он сам, я и Дибров. Стали обсуждать дату выхода. Дима говорит: «Зачем тянуть вола за хвост, давайте через две недели!». А Малкин спрашивает: «Не обосретесь?», Дима, который был главным режиссером четвертого канала, уверенно отвечает: «Не обосремся!».

Не очень помню тот эфир, но могу представить, что прошел он ужасно. Первый год мы не расходились с телевидения до трех-четырех часов ночи – обсуждали, говорили. Было интересно. Тогда же Малкин сказал мне: «Хорошо, если с этой программой вы протянете еще полгода. Вот «Пресс-клуб» – это программа!». Тогда никто не верил, что «Времечко» проживет так долго. Хотя последние шесть лет (после ухода Новоженкова. – Ред.), эту жизнь нельзя назвать жизнью в полном смысле этого слова – скорее прозябание.

– Вы не ходили на юбилейный праздник. Почему?

– Мы сильно поссорились с Малкиным и Прошутинской, и они со мной не здороваются. Как можно идти туда, где с тобой не здороваются? Поссорились мы из-за денег, дело-то оказалось успешным, начался дележ дивидендов, лавровых венков. А у меня соответствующего опыта не было. Поэтому я просто ушел с частью команды. Точнее, мы остались на НТВ, а Малкин с программой перебрался на ТВЦ. Но зато я могу сказать: за десять лет работы на телевидении не стал мерзавцем.

– Потом были «Сегоднячко», «Старый телевизор», «Большой секрет для маленькой компании», «Утро на НТВ». И всегда вам звонило много людей. Но были и звонки сумасшедших граждан, они звучали в эфире, и после этого некоторые из тех, кого вы приглашали в передачу, отказывались приходить, потому что их обижали. Сейчас вы звонки фильтруете?

– Конечно, желающих излить желчь, обиду, ненависть, неприязнь, досаду немало. Да и просто сумасшедших. Во «Времечке» звонки не фильтровались, мы их давали прямо в эфир. В самом начале однажды позвонил якобы охранник тогдашнего президента Ельцина и сообщил, что Борис Николаевич болен. Тут же в «Известиях» появилась статья Ирины Петровской под названием «Непроверенные слухи могут привести к катастрофе»; в 93-м году болезни Ельцина тщательно скрывались. Сам он тогда тоже сильно обиделся. И сказал: «Есть такая программа – «Времечко», не знаю, кто ее придумал... А в эфир, может быть, Хасбулатов позвонил».

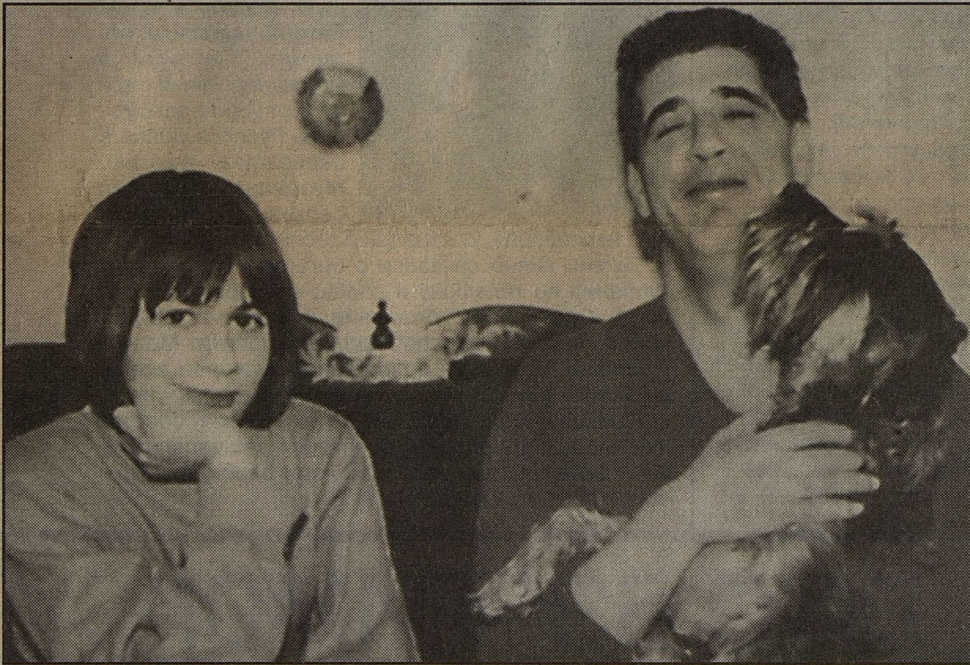
Наверное, стоило бы сделать программу, состоящую только из звонков, но мы их действительно фильтруем. Хотя в «Страну советов» звонят гораздо меньше сумасшедших, чем в те программы, которые я делал раньше. А вообще, люди становятся

совершенно другими в условиях анонимности: когда они осознают, что их никто не увидит и никто не узнает, как их по-настоящему зовут, они раскрепощаются до такой степени, что сами не понимают, что несут.

– Ваша новая программа «Страна советов» выходит с июня. Скажите, каков был первоначальный замысел и что за это непродолжительное время захотелось изменить?

– Конечно, что-то уже меняется. С третьей недели выхода в эфир мы начали

давать чисто практические советы. Теперь передача состоит из трех блоков. К примеру, в первом блоке рассказываем о переноске тяжестей, второй блок посвящен вязанию – женщина вяжет на гвоздях, на пальцах. А третий блок – об искусстве говорить по телефону. Приглашаем политиков, других известных людей, которых знаем по их красноречию и видим в деле. Узнаем, что они умеют делать руками или головой. Нашли семейную пару, которая автостопом путешествует на самолетах...

Слева – дочка Саша, справа – папа Лев.

Года идут, улыбка не меняется.

– То есть вы, как и во всех своих прошлых программах, делаете то, что интересно обывателю. Скажите честно: за столько лет не надоело этим заниматься?

– Когда я только начинал делать «Времечко», сидел однажды в восемь часов вечера в своем кабинете. Состояние было сумеречное: знаете, когда накапливается раздражение на самого себя, на окружающих. В эту минуту в дверь заглянул один мой знакомый и сказал: «Чего ты этой х...й занимаешься?». И вся накопившаяся злость у меня выплеснулась. Я бросил в него пепельницей, потом выбежал в коридор, мы сцепились, стали драться. Нас едва разняли. Он мне разбил очки, пришлось моей помощнице ехать домой за другими, потому что надо было вести эфир в бодром и веселом настроении. Теперь-то я так бурно не реагирую, хотя подобное отношение обижает. Недавно встретил главного редактора «Коммерсанта» Андрея Васильева, и он попенял мне: мол, до чего ты дошел, уже пятна выводишь. Я ответил: лучше пятна выводить, чем заниматься имитацией политического анализа, делая вид, что у нас в стране есть политика. Лучше уж честно сказать, что политики нет, и выводить пятна. Другая очень уважаемая газета написала с сожалением, что непотопляемый Лев Новоженков вышел в эфир со своим новым изобретением. Между строк читалось: чего это он все плавает, плавает и никак не утонет? Увы, у нас в стране люди не очень доброжелательно относятся к своим актерам, телеведущим, изобретателям. Сочувствуют, когда слышат, что человек попал в автокатастрофу, или его парализовало. Вот тогда начинают жалеть, вспоминать заслуги...

– Как вы относитесь к тем, кто разоблачает с телеэкрана коррупцию, воровство, беззаконие? Не планируете влиться в ряды этих бойцов?

– Может быть, я душевно ленивый человек, но мне жутко не хочется никого разоблачать. Я просто заранее знаю, что очень много людей воруют. Вопрос – поймает тебя или нет. Взять дело тех же оборотней. Их семь человек, а могло быть пятьдесят или сто. Можно и тысячу найти. Деньги – три миллиона долларов, смешные. Думаю, что они такие деньги в неделю зарабатывают. Если человек с собой берет бумажник, в котором лежит десять тысяч долларов на мелкие расходы – в ресторане посидеть, или что-то купить, – разве непонятно, что он долларовый миллионер, и этих миллионов у него десятки, а может и сотни? Но мне всеми этими разоблачениями лень заниматься, потому что от природы я ленивый человек. И еще не хочется жить в дерьме, работать, существовать, как некоторые мои коллеги. Я уважаю их выбор, но меня такая журналистика совершенно не интересует.

– Неужели у вас нет собственной позиции относительно политики, общественной жизни? Вы совсем аполитичны?

– Почему нет позиции? Я считаю, что любая власть отвратительна и коррумпирована. Другой не может быть. Такова природа власти. Смешно думать, что кто-то

рвется к ней, чтобы осчастливить человека. Таких людей просто нет и не было! И деньги здесь не самое главное. Когда Сталин умер, у него в кармане нашли 25 рублей 40 копеек. Значит ли это, что он был честным человеком? Абсолютно ничего не значит! Зачем ему деньги, если он мог получить в любой момент все, что хотел. Власть — это те же самые деньги, может быть, лучше, чем деньги.

— Кстати, о деньгах... Скажите, Лев Юрьевич, среди ваших друзей есть такие, которые могут дать вам энную сумму на программу, или давали?

— На «Времечко» давали — председатель Московского инвестиционного фонда Ушаков. А на «Страну советов» я денег не прошу, этот проект финансирует НТВ. Я выдаю готовый продукт.

— Когда бывает свободное время, в деревню уезжаете или за рубеж?

— За рубеж уже не тянет. Хочется выйти за порог, погулять, пообщаться с близкими людьми. У меня в Нарофоминском районе домик средних размеров, иногда туда выбираюсь.

— А кто входит в круг ваших близких?

— Мама — пенсионерка. Жена — она работает главным редактором журнала «Крестьянка». Дочь — заканчивает исторический факультет МГУ.

— Так это родные. А друзья, знакомые...

— Мне вообще не хочется проводить время с какими бы то ни было людьми. Это по молодости нужно много общаться, позиционировать себя в мире, видеть чужие глаза, чтобы найти ответы на свои вопросы. А сейчас мой собеседник книги. Достал с полки — вот тебе и собеседник. Если очень соскучишься по человеческим головам — включи телевизор.

— Ну и что читаете, откуда черпаете мудрость?

— Несколько лет назад открыл для себя писателя Чарлза Буковски. Идеальный американский прозаик. Купил книгу Дика Фрэнсиса. Он пишет в основном о скачках. Перечитываю историческую литературу — Соловьев, Ключевский, философские труды Ильина, Бердяева, Флоренского. Конфуция читаю.

— Какие качества приобрели за телевизионные годы?

— Известно, что знания умножают скорбь. Не мной это сказано. Скорби умножилось. Потому что ТВ убыстряет процесс узнавания людей. Если бы я не пришел на телевидение из «МК», многие вещи остались бы для меня загадкой. Газета такого кругозора не дает. Но, может быть, это было бы и не так уж плохо.

— Один человек сравнил вас с Валерием Комиссаровым — мол, и вы и он делаете передачи для народа и о народе. Вас такое сходство устраивает?

— Не знаю. Я его программы не смотрю, как, наверное, и он мои. Чукча не телезритель, чукча — телеведущий. Вообще я не очень уважаю то, что делается на телевидении, — мало хорошего, даже по попыткам. Есть неплохие репортеры — Павел Лобков, к примеру. Но меня, как и многих телезрителей, раздражают ляпы, безграмотность, агрессивное невежество. Очень мне жалко ведущих политических программ, потому что им приходится изворачиваться, показывая, что они сохраняют верность своей профессии. Меня жутко бесит телевизионный юмор. Считаю, что в этом смысле мы отброшены далеко назад, во времена варварства. Потому что были же передачи «Вокруг смеха», «12 стульев». В стране Чехова, Ильфа и Петрова, Хармса, Зощенко юмористы не имеют право выходить в эфир с тем, что они сейчас нам показывают. Но есть аудитория, которая специально выращена под эти программы. Вдруг стали все писать кипятком от «Идиота». Почему? Только из-за того, что наконец-то телевидение обратилось к Достоевскому?

— Конечно. Не сравнить же «Идиота» с Евгением Мироновым и Владимиром Машковым с «Даун Хаусом», в котором играют Федор Бондарчук и Иван Охлобыстин.

— Это понятно, но все равно. Телевидение не может быть очень серьезным, академичным, проповедническим, скучным. Но и образом пошлости и кретинизма тоже быть не должно.

Встречался Андрей КНЯЗЕВ

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

В 9-м классе моим любимым предметом была Алевтина Владимировна.

Маленькое государство, которое живет сдачей пустых бутылок.

Сколько сил и времени уходит на то, чтобы быть приятным человеком.

На усах у него было двадцать минут шестого.

Щедрость определяется не тем, сколько человек дал, а сколько у него после этого осталось.

Двое приятелей-анекдотов идут по улице. Мимо, в большой лакированной машине, проезжает толстый роман.

Что посеешь, то и пожрешь!

Я заметил, что ночью я почему-то умнее, чем днем.

Старый опытный ребенок.

Современная пьеса о футболе. Входит слуга и говорит:
— Угловой подан!

Телефон от первого брака.

Настоящая суббота — это пятница.

Я хотел бы, чтобы мне не было шестнадцати и чтобы меня не пустили на этот фильм.

Ему достали по большому благу такой календарь, в котором на три дня больше, чем в обычном.

Посмотрела — как будто рубль отобрала.

Признак старости: это когда волосы в ушах начинают расти.

Если я когда-нибудь напишу кулинарную книгу, она будет начинаться словами:
— Если от вас неожиданно ушли гости...

Никто не может объяснить мне, почему туалетная бумага продается в магазине «Досуг».

Мечта ребенка — батон с четырьмя горбушками.

Красивая девушка.
Очень красивая.
Хочется подойти к ней и спросить:
— Ну и что?

Земля круглая. Поэтому если сесть на станции «Белорусская» — кольцевая и все ехать и ехать, то обязательно вернешься на то же место.

